

В мире есть злая радуга

— Сорок восемь тысяч духовных чжу? — с непроницаемым лицом уточнил Дань Фэн. — Вымогаешь?

— Вымогаю? — переспросила Е Шуанчоу, и счётные палочки в её ладони зашуршали. — Разве мы не подвели итог? Повозка для измельчения благовоний выезжает по делу, за деньги. А ты, со своим запахом паршивых птиц, уничтожил целый воз шёлка. Хоть одна монета здесь — вымогательство?

Так вот где меня поджидали. Если бы он не мог раскусить такой примитивный расчёт, то грош ему цена как главе — впору кочергой заменить.

Дань Фэн бросил одно слово:

— Идёт.

Е Шуанчоу не ожидала, что он так легко согласится. Её изящные брови сошлись на переносице, и тут же одна из вышивальщиц фыркнула:

— Сестрица Е, не верь мужским словам. Посмотри на него, гол как сокол. Наверняка уже прикидывает, куда бы сбежать.

— Сбежать? — Е Шуанчоу искоса взглянула на Дань Фэна. — Сети уже расставлены. Под взглядом Его Высочества даже птица не вылетит.

— Разве один не сбежал? — спросил Дань Фэн. — Не надо на меня так смотреть, я просто интересуюсь. Сколько должен тот юнец?

Одна из вышивальщиц ответила:

— Парча рассветного сияния не ровня Шёлку ясного света, да и градоначальник не любит такие яркие цвета. Один отрез стоит всего три тысячи духовных чжу.

— Такая разница?

Даже при том, что у Дань Фэна уже был план, он невольно мысленно выругался. Выходит, тот щенок Сюэ Юнь устроил целый погром, а всё равно нанёс меньше ущерба, чем его птичий запах? Да, он вёл себя развязно, но неужели аромат был настолько плох?

Вышивальщица тихо добавила:

— Ткацкий станок стоит несколько дороже. В общем и целом — сто тридцать тысяч духовных чжу.

— Погоди, сколько? Какое «в общем», какое «в целом»? — переспросил Дань Фэн.

— Что, хочешь и за него долг не платить? — вмешалась Е Шуанчоу. — Да что там станок, даже если бы ты одну нитку с одежды Его Высочества зацепил, счёт был бы тот же...

— А если бы я порвал одежду вашего градоначальника и вытер ею лицо? Или, например...

При этих словах шёлковые полотна, парящие над мастерской, замерли. Прекрасные глаза бессмертных дев, как по команде, устремились на него, источая леденящую жажду убийства. Казалось, они вот-вот обратятся в воинов в чёрных доспехах, а их накидки станут острыми, как мечи.

Щёлк.

Е Шуанчоу голыми руками сломала счётную палочку.

— Например, что?

— Ничего, так, к слову пришлось. Он заслужил, — сказал Дань Фэн и, прислонившись к дверному косяку, подцепил пальцем Зеркало малого возвращения духа. Пять пальцев взлетели, и он одной рукой сложил Печать Чжужуна, умиряющую огонь. От костяшек до тыльной стороны ладони его рука покрылась ослепительным металлическим блеском.

Тайная серебряная пыль коснулась его пальцев и с шипением обратилась в серебряные искорки. За долю секунды Зеркало малого возвращения духа было восстановлено.

Движения были быстрыми и точными, но в них сквозила небрежность, даже некое волшебное изящество, превращающее закалённую сталь в податливый шёлк.

Хоть бессмертные девы и смотрели на него с неприязнью, они не могли не оценить его мастерство. Е Шуанчоу, покосившись на него, заметила:

— Руки у тебя на месте. Не сможешь расплатиться — останешься в мастерской ткать лет тридцать-пятьдесят.

— Я не смогу? — Дань Фэн закрыл глаза и сжал Зеркало в ладони. Бронзовая монета вспыхнула

красным светом.

Зеркало малого возвращения духа могло не только выслеживать последователей Сюэлянь, но и находить соратников по школе.

Дань Фэн не раз использовал его, чтобы вытаскивать заблудившихся в снегах учеников, и делал это с лёгкостью и мастерством.

В темноте перед его мысленным взором промелькнул красный огонёк.

— Спускайся! — брови Дань Фэна резко взлетели вверх, и он, не открывая глаз, схватил свиток шёлка и швырнул его на пол.

Свиток с глухим стуком упал, и из него выскочил Сюэ Юнь. Дань Фэн тут же пнул его обратно в грудь испорченного шёлка.

— Сто тридцать тысяч духовных чжу, — Дань Фэн окинул его взглядом и, невзирая на огненный взор Сюэ Юня, проворно схватил его за горло, не дав вырваться ругательству. — Вычтем мои сорок восемь тысяч, остатка с лихвой хватит. А оставшиеся восемьдесят-девять тысяч я себе не возьму — считайте, на тёплую одежду вашему градоначальнику в холодную погоду.

Даже Е Шуанчоу была ошеломлена его наглостью и на мгновение потеряла дар речи.

— Заоблачная цена — торг на месте, — усмехнулся Дань Фэн, и его пальцы, сжимавшие горло Сюэ Юня, безжалостно стиснулись. — У него с собой полно артефактов для скрытности. Если бы я его не поймал, ваши сто тридцать тысяч улетели бы в трубу. Разве не так следует считать?

Он опустил голову и посмотрел на Сюэ Юня.

— Я спрашиваю, разве не так? Всего за несколько часов натворить дел на сто тридцать тысяч. Ты что, считаешь, что твой наставник, Огненный Пицзю, недостаточно зол?

— Думаешь, я хотел? — кашляя, прохрипел Сюэ Юнь. — Я ночью... не обрёл свою суженую, потерял тень, вот и метался повсюду. Когда опомнился... они потребовали с меня долг. А с кого мне требовать?

При упоминании этого на лице Дань Фэна появилось брезгливое выражение.

— Суженую? С куском ткани?

— А что, нельзя? — тон Сюэ Юня смягчился, и в его взгляде на мгновение промелькнуло нечто

пугающее, словно вновь вернулся безумный призрак, но, когда Дань Фэн присмотрелся, наваждение исчезло. — Хватит меня высмеивать. Ты, любующийся своей тенью, чем ты лучше?

Дань Фэн молчал, лишь крепче сжимал Сюэ Юня, глядя на него, как на заточку. Молодые ученики, одержимые преградой страсти, часто становились упрямыми и одержимыми. Если не помочь им развеяться, они могли натворить любых бед.

На мгновение между ними повисла напряжённая тишина.

Внезапно Дань Фэн поднял руку и бросил ему Суму из небесного шёлка.

— Кстати, верни себе.

— Зачем?

— Твоя Жемчужина, конденсирующая снег, так вовремя раскололась, — сказал Дань Фэн.

— Что ты имеешь в виду? Моя? Ты украл мою жемчужину и теперь меня же обвиняешь? — вспыхнул Сюэ Юнь, его глаза сверкнули.

— Ничего не имею в виду. Говорю, повезло тебе, что в припадке безумия не наткнулся на снежного призрака. Кстати, ты же так усердно искал хозяйку ленты? — улыбка на губах Дань Фэна внезапно исчезла. — Почему бы не показать её бессмертной деве Е?

Сюэ Юнь резко поднял глаза, собираясь вырваться, но Дань Фэн сжал пальцы, и острая боль пронзила его ключицу. Что ещё хуже, Е Шуанчоу действительно заинтересовалась.

— Лента? Какая лента?

Одна из вышивальщиц усмехнулась:

— Ты обратился по адресу. Сестрица Е — лучшая в искусстве плетения из ветра и облаков. Не то что ленту, она и по одной нитке сможет определить её происхождение.

Сюэ Юнь сглотнул и бросил на Дань Фэна полный ненависти взгляд.

— Спасибо за твою заботу!

— Что ты, не стоит, — ответил Дань Фэн.

Сюэ Юнь поднял руку, чтобы достать что-то из-за ворота.

— На шее носишь? Оригинально, — заметил Дань Фэн.

Не успел он договорить, как Сюэ Юнь схватил его за рукав и молниеносно дёрнул вниз. С треском воротник Дань Фэна распахнулся, и взору Е Шуанчоу предстала вызывающая вышивка из мечей и красных лотосов.

— Обитель... Сихэ!

Лоб Дань Фэна дёрнулся. Он схватил Сюэ Юня и выставил его перед собой как щит. И вовремя — с потолка хлынул поток клейстера для накрахмаливания ткани, густого, как смола, и отвратительного изумрудного цвета. В нём отражался огонь, пылающий в глазах Е Шуанчоу. Зрелище было поистине устрашающим.

Плеск!

Сюэ Юня окатило с головы до ног, но он лишь усмехнулся.

— Младший боевой дядя, ты втянул меня в это, а сам хочешь остаться в стороне? Госпожа Е, здесь мой старший, он уже сказал, что готов взять на себя ответственность за ученика. Так что сто тридцать тысяч духовных чжу — на его счёт.

— Заткнись, — Дань Фэн пнул его под колено. — У тебя что, своего наставника нет? Огненный Пицзю топнет ногой — золотая пыль посыплется. Неужели не сможет выкупить своего ученика?

— Мой наставник далеко, в Обители. А ты меня поймал, — возразил Сюэ Юнь.

Е Шуанчоу, слушая их перепалку, сжимала счётные палочки так, что они трещали.

— Хватит болтать. Активировать формацию небесных одежд из простого шёлка. Принести ведро тысячелетнего изумруда. Не расплатятся — лить дальше.

Одно название «тысячелетний изумруд» не предвещало ничего хорошего. Кто знает, что они добавляли в краситель, чтобы придать ткани нужный оттенок, и можно ли будет это отмыть.

Брови Дань Фэна задергались. Он схватил Сюэ Юня и отступил на шаг.

— Пойдите. Если вы его ещё раз окатите, даже его наставник не узнает в этом зелёном огурце своего ученика.

— Не хочешь выкупать — заткнись, не мешай мне выбираться и не зови моего наставника! — взревел Сюэ Юнь.

— Не тебе решать, — сказал Дань Фэн и, щелчком пальца, отправил Зеркало малого возвращения духа в воздух. Оно превратилось в бронзовую рябь. — Цзинь Добао, выходи!

Бронзовая поверхность замерцала, но, несмотря на все его усилия, не было ни ответа, ни изображения. Зеркало исказилось и начало исчезать.

— Твой ученик у меня. Не притворяйся мёртвым, — сказал Дань Фэн.

Из зеркала донёлся громкий крик:

— Дань Фэн, почему Мать-Солнце из Сихэ не сожгла тебя, бесплодного воробья, не способного извергнуть и искры! Тебе мало было предать школу и убить учеников? Своих потомков извёл, так теперь и за моих взялся?

Их вражда длилась не первый день, а после кровавой бойни у озера Белой Пагоды они и вовсе стали непримиримыми врагами. Но сейчас, выслушав эту тираду, Дань Фэн лишь усмехнулся.

Сюэ Юнь, услышав голос наставника, вздрогнул.

— Ты меня не боишься, а своего наставника боишься? — спросил Дань Фэн.

— Если бы ты украл у своего наставника несколько десятков артефактов, ты бы бежал ещё быстрее, — с ненавистью прошипел Сюэ Юнь.

— Племянник, ты кого обманываешь? Про обычного человека так ещё можно было бы сказать, но кто не знает, как он защищает своих? — Дань Фэн, уловив нотки раздора между учителем и учеником, тут же заинтересовался. — Цзинь Добао, избивающий ученика — такое зрелище я бы с удовольствием посмотрел.

Цзинь Добао, как мастер-оружейник, держал в руках защитную формацию клана. Большинство артефактов Обители Сихэ вышли из его кузницы. Чем шире становились его финансовые потоки, тем скупее он становился. Лишь для учеников своей Обители Мечей он ничего не жалел. Высокомерие ветви Мечей Шаоян было возвращено им самим.

Остальные ученики, сгорая от зависти, поговаривали, что в Обители Мечей Шаоян собрались внебрачные дети и внуки Цзинь Добао, иначе с чего бы он так их опекал.

Дань Фэн, держа в руках его сокровище, и не думал говорить о выкупе. Вместо этого он прямо спросил:

— Есть пара серебряных браслетов, называются Кольцо из кости, рождающей ветер. В них вставлена кость бессмертного. Ты знаешь их происхождение?

— Вставлена кость бессмертного? Ты сам оружейник, и не знаешь, что это значит? — Цзинь Добао в свою очередь перебил его. — Я тебя спрашиваю, что с Уянем?

— С кем? — не понял Дань Фэн.

— С моим учеником, Сюэ Уянем, которого ты поймал в Долине Белого Облака. Дело с жемчужинами ещё неясно, не смей его трогать!

— Уянь? Цзинь Добао, что за дурацкое имя ты ему дал? Сбылось ведь, и вправду огня извергнуть не может.

— Ты смеешь разрушать его даньтянь!

— Разрушать? Настолько я не жесток. Мой метод гашения огня в даньтяне зависит от судьбы. Минимум месяц, максимум... — Дань Фэн сменил тему. — Я понимаю, о чём ты. По идее, почтенный, особенно с духовным корнем ветра, став бессмертным, становится бесплотным, и костей от него не остаётся. Если только он не извлёк кость своими руками перед слиянием с Дао и не вставил её в браслет в качестве дара. Ты не слышал о таком зловещем артефакте?

— Ты говоришь, эту вещь можно продать? — спросил Цзинь Добао.

— Она признаёт хозяина. Можешь попробовать.

— Ну вот, — сказал Цзинь Добао. — Какой же это дар? Если бы он действительно любил младшее поколение, он бы подарил ему глоток бессмертной ци, просветил бы его дух. Это было бы полезно. Зачем дарить свои кости? Неизвестно, можно ли из них что-то выковать, а даже если и получится, с великим трудом, то прослужит недолго, рано или поздно рассыплется. Если только...

Цзинь Добао, видимо, о чём-то задумался. Его тон смягчился, и он вздохнул:

— Принять на себя бремя в час опасности — это великая судьба!

Хоть он и не питал к Дань Фэну братских чувств, но в словах о любви к ученику он был весьма убедителен. Брови Дань Фэна взлетели. Он схватил серебряный браслет в рукаве. После того, как кость бессмертного рассыпалась, он всё ещё излучал слабый холод.

Принять на себя бремя в час опасности?

Всего четыре слова, но от них веяло леденящим холодом приближающейся катастрофы.

Заставить почтенного, стоящего на пороге бессмертия, собственноручно извлечь свою кость, и всё равно не суметь спасти положение... Битва была невероятно жестокой, а цена — неимоверно высокой. Сегодняшний мёртвый снег во Дворце Чанлю — это результат той давней, проигранной битвы.

Вопреки его ожиданиям, Се Хунъи получил эти браслеты не как знак благоволения клана, а в суровой атмосфере рушащегося мира.

Неразрешимый узел в сердце Се Хунъи, их общая судьба...

— Маленький принц?

Этот голос, прозвучавший в его сознании, был до странности знакомым, даже весёлым.

Он всегда был одержим этим браслетом. Се Хунъи был неуловим, как тень, и браслет был единственным, что он мог сжать в руке.

Дань Фэн большим пальцем крутил браслет.

— Почему именно браслеты? Почему не выковать мечи? Цзинь Добао, я тебя спрашиваю.

— Меня? Это я их дарил, чтобы меня спрашивать?

— А если бы? Если бы твоему драгоценному ученику грозила беда, и ты бы захотел оторвать от своего огня частичку и одолжить ему...

— Тьфу, собака не может изрыгнуть слоновую кость.

Дань Фэн, не обращая на него внимания, схватил Сюэ Юня за плечи и провёл руками по его рукавам.

Силы у него было немерено. Сюэ Юнь взвизгнул, словно ему наступили на хвост.

— Позволь твоему дяде привести пример, — сказал Дань Фэн. — Племянник-расточитель, где ты спрятал украденные артефакты?

— Я тебя рано или поздно убью! Я же говорил, дорога опасна! — крикнул Сюэ Юнь.

Дань Фэн заметил, что у него за спиной что-то топорщится, словно спрятан предмет размером с кулак. Он надавил, и спина Сюэ Юня дёрнулась. На его лице появилось крайне злобное выражение, которое полностью стёрло юношескую красоту восходящего солнца.

— Не трогай!

Бровь Дань Фэна дёрнулась. Этот парень всегда ему не нравился, но этот взгляд, полный неприкрытой злобы, смыл ощущение несоответствия.

Под человеческой кожей должна скрываться именно такая свирепая обезьянья морда.

Цзинь Добао, услышав, что его любимому ученику угрожает опасность, разразился бранью. Зеркало малого возвращения духа вспыхнуло, и в нём появилось искажённое лицо, которое, казалось, вот-вот вылезет наружу.

— Этот ублюдок Дань Фэн тронул твой амулет долголетия?

— Не твоё дело, — ответил Сюэ Юнь.

— Уянь, у нас с тобой есть кармическая связь, как я могу не вмешиваться? — заискивающе сказал Цзинь Добао.

— Хорошо, хочешь вмешаться? Тогда убей его.

— Амулет долголетия? — подлил масла в огонь Дань Фэн. — Сколько лет уже совершенствуешься, а всё ещё носишь детские игрушки? Неудивительно, что Огненный Пицзю за тобой по пятам ходит, того и гляди в пелёнки завернёт.

Цзинь Добао стерпел дерзость ученика, но на него нахмурился.

— Это ты совершенствовался до состояния собаки! Такая личная вещь, конечно же, является кармической связью.

— Связь, связь, опять связь, — усмехнулся Дань Фэн, но его рука, игравшая с браслетом, вдруг замерла. Он слегка нажал, и серебряный браслет с щелчком сжался, став таким маленьким, что мог бы охватить лишь детскую ручку.

Так и есть.

Серебряный браслет, содержащий кость бессмертного, Се Хунъи, должно быть, носил с детства. Он пропитался аурой и судьбой того почтенного, и лишь поэтому мог стать

божественным артефактом.

Что может быть ближе к телу, чем амулет долголетия или Умиротворяющий браслет? Говорят, в мире смертных, когда рождается ребёнок, его прошлая судьба ещё не ушла, и он часто пугается и плохо спит. Тогда ему надевают браслет на локоть, чтобы успокоить. Внутри есть механизм, и, когда ребёнок растёт, браслет не стесняет его. Этот был просто особенно изящным.

А это означало...

Когда браслет вернулся в исходное положение, сложные облачные узоры на нём сложились в древние иероглифы «Аньнин» — «Умиротворение».

А на обратной стороне был лишь один-единственный иероглиф.

— Ни.

От одного прикосновения кончика пальца по телу Дань Фэна пробежала ледяная дрожь.

«...Прежде я знал лишь, что во Дворце Чанлю облачные ширмы и изумрудные завесы — лучшие в Поднебесной, но почему не слышал, что над Пиком Изумрудной Завесы есть такая длинная радуга? Какой яростный цвет...»

«Не смотри, это злая радуга! С тех пор как Его Высочество явился в мир... дурное знамение...»

«Грядёт катастрофа, Его Высочество сделал всё, что мог, но, увы, воля небес подобна водопаду... всё тщетно...»

«...Своенравный ветер и радужные облака не удержать...»

Бесчисленные голоса хлынули в его уши, или, вернее, вырвались из глубин его сознания, окружая его, вызывая раскалывающуюся головную боль. Он не мог понять, где он и когда это было. Но в тот же миг, когда он сжал переносицу, некая невероятно гнетущая, скорбная сила отбросила их назад, словно свинцовая слеза, упавшая с девятых небес, и все его чувства обратились в дым.

Осталось лишь одно имя.

— Се Ни!

<http://bllate.org/book/16978/1587793>